

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ

(на материале литовского языка в условиях контакта с английским)

ЛЕНГИНАС ПАЖУСИС

В классических работах, в которых были заложены основы формирования современной теории языковых контактов, вопросы интерференции, затрагивающей фразеологические единицы (в дальнейшем изложении ФЕ), не получили какого-либо специального освещения. Напр., в широко известной монографии У. Вайнрайха [Weinreich, 1953], в главе, посвященной лексической интерференции, где отдельно обсуждаются и виды интерференции, характерные для сложных слов и фраз, специфика ФЕ не была учтена. Как, впрочем, и в работах Э. Хаугена [Haugen, 1953, 1957], в которых были предложены получившие широкое признание общие классификации видов интерференции и заимствований. Касаясь вопросов описания интерференции составных единиц (т. е. производных и сложных слов, а также целых словосочетаний), У. Вайнрайх и Э. Хауген, хоть иногда и использовали ФЕ в качестве иллюстративного материала, не выделяли их особо и в конечном счете не представили общей картины видов фразеологической интерференции.

Классификация заимствований, построенная на основополагающем различии между перенесением и подстановкой, в сфере действия подстановки (т. е. среди заимствований сдвиг) предусматривает различие между расширением и созданием. „Расширения соответствуют семантическим заимствованиям: происходит лишь расширение значений готовых языковых единиц. Создания соответствуют калькам, представляя собой новые единицы языка“ [Хауген, 1972, с. 354]. Однако при изучении возможностей применения этой классификации к случаям фразеологической интерференции приходится неизбежно сталкиваться с проблемой выбора уровня лингвистического описания. Если „во фразеологической единице „цельность номинации“ довлеет над структурной разделенностью“ [Ахманова, 1957, с. 169], то на каком уровне значимые единицы одного языка здесь подставляются вместо значимых единиц другого языка? В упомянутых работах У. Вайнрайха и Э. Хаугена при рассмотрении составных новообразований, относимых к случаям подстановки, предполагается, что этот процесс (а тем самым и межъязыковое отождествление составных единиц) осуществляется на уровне составляющих их элементов, т. е. на низеле-

жащем уровне. Об этом свидетельствуют попытки объяснить действие механизма интерференции в таких случаях тем, что „все элементы могут воспроизводиться путем семантических расширений“ [Weinreich, 1953, p. 50], или представить такие составные новообразования как результат „морфемной подстановки“ [Хауген, 1972, с. 367]. Однако, если учесть, что ФЕ обладают значением, отнюдь не складывающимся из значений единиц нижележащего уровня, то при таком подходе специфика фразеологической интерференции остается вне рассмотрения и не поддается непротиворечивому описанию. Ведь если ФЕ создаются „на базе словосочетаний (а также сочетаний слов и предложений)“ [Ройзензон, 1967, с. 49], то и в процессе интерференции ФЕ одного языка должны соотноситься (т. е. отождествляться) с ФЕ или словосочетаниями другого языка, т. е. с равноуровневыми единицами.

Поставив перед собой задачу исследовать фразеологические новообразования с точки зрения приведшего к ним механизма интерференции, мы не можем положиться и на установившуюся традицию описывать результат подстановки как кальку (или „зайствованный перевод“). Уточняя определение кальки, В. Н. Ярцева справедливо отмечает, что „под структурно-семантическими кальками мы понимаем не перевод понятия средствами другого языка..., а одновременное сохранение структуры и семантики копируемого образца“ [1969, с. 21]. Это значит, что калькирование ориентировано на выравнивание составных единиц контактирующих языков одновременно на двух уровнях — структурно-семантическом и семантическом. Однако в процессе интерференции, как будет показано ниже, такое выравнивание достигается различными путями.

Термин „фразеологическая интерференция“, насколько нам известно, впервые был предложен А. В. Куниным [1976]. По его определению, это — „искажение фразеологизма одного языка под влиянием фразеологизма другого языка или неправильная передача фразеологизма одного языка на другой под влиянием буквального значения фразеологизма“ [с. 42]. Несмотря на то что такой подход к фразеологической интерференции в принципе может быть приемлем лишь при изучении результатов этого процесса в условиях искусственных языковых контактов, тем не менее первая часть данного определения содержит имплицитное указание на один существенный момент, которого нельзя не учитывать и при описании фразеологической интерференции в условиях естественных языковых контактов, а именно на возможность межъязыкового отождествления самих ФЕ контактирующих языков.

Даже для отдаленно родственных языков, какими являются литовский и английский, можно прогнозировать не только наличие межъязыковых фразеологических эквивалентов вообще, но и наличие структурно-семантических эквивалентов, „т. е. ФЕ, не только выражающих то же содержание, что и ФЕ сопоставляемого языка, но и обладающих фразеобразовательным сход-

ством, т. е. тождественной или близкой аспектной организацией — компонентным составом и синтаксической структурой“ [Райхштейн, 1980, с. 35]. В условиях литовско-английского субординативного билингвизма литовских иммигрантов в Северной Америке (США и Канада) этот прогноз явно подтверждается: в контактном варианте литовского языка наблюдаются такие явления фразеологической интерференции английского языка, которые нельзя рассматривать без учета возможности межъязыкового отождествления сходных ФЕ этих двух языков.

Интерференция обычно затрагивает литовские ФЕ, сходные с ФЕ английского языка по значению, но в какой-то мере различающиеся по своему структурно-семантическому строению. Она приводит к созданию таких вариантов уже существующих ФЕ (о понятии фразеологического варианта см.: [Амосова, 1963, с. 98; Кунин, 1972, с. 7]), в которых сохраняются структурно-семантические характеристики, общие для отождествляемых ФЕ контактирующих языков, и одновременно устраняются существующие различия в лексическом составе, словоформах и/или порядке компонентов, напр.: *aišku kaip dieną/diena* > *aišku kaip dienos šviesa* < *as clear as daylight* (... *aišku kaip dienos šviesa*, ko Vašingtonas siekia militarine parama. V 79 9), *imtis žygių* > *imtis žingsnių* < *to take steps* (Kancleris sakė *imsis visų reikalingų žingsnių* palaikyti universitete taiką ir tvarką. V 62 218), *jaustis kaip namie* > *jaustis (labai) namie* < *to feel (quite) at home* (Norėjusi grįžti į Kanadą, bet pasukusi į Europą ir pasilikusi Muencheno operoje, kurioje *jaučiasi namie*. Vien 79 7. ...jie *jaučiasi labai namie* tarp savųjų. L 71 83), *lašas mariose/jūroje* > *lašas kibire vandens*/i kibirą vandens < *a drop in the bucket* (Tie keturi šimtai milijonų dolerių bus tik tai *lašas kibire vandens*. L 79 2. Bet juk tai *lašas į kibirą vandens*. L 77 22), *pirštą/pirštus prikišti* > *pirštą įdėti* < *to put one's finger (in smth)*. (Daug ženklų rodo, kad į šį žmogaus dingimą yra *įdėtas pirštas* ir Domininkonų respublikos diktatoriaus. V 60 33), *visų pirma* > *pirma visų* < *first of all* (Dirbtuvėse prie batų dirbimo *pirma visų* reikia patyrimo... V 62 141).

Так как „активным является заимствующий язык, а пассивным — язык, из которого заимствуют, и было бы неверно представить это отношение обратнo“ [Гавранек, 1972, с. 107], мы не можем подобные фразеологические новообразования просто отнести к калькам и не учитывать того, что фразеологическая интерференция в таких случаях осуществляется путем преобразования уже существующих ФЕ адаптирующего языка и затрагивает только их структурно-семантический уровень. С точки зрения диахронического описания приведенные примеры новых фразеологических вариантов, вызванных контактом с другим языком, можно толковать как случаи структурно-семантической конвергенции. Если прибегнуть к гипотетической модели и терминологии описания перехода от семантической структуры к поверхностной структуре идио-

мы, предложенным У. Л. Чейфом [1971], то можно считать, что с точки зрения перехода от одного языка к другому (т. е. кодового переключения) эти фразеологические варианты в процессах литерализации и/или линейризации оптимальнее (проще).

Еще ббльшую степень сходства или „поряднения“ ФЕ контактирующих языков демонстрируют гибридные фразеологические варианты, которые образуются путем подмены одного из компонентов литовской ФЕ словом, заимствованным (т. е. перенесенным) из соответствующей ФЕ английского языка, напр.: *juokus/pokštus/ šposus krėsti > džiuokus krėsti < to crack jokes* (Tam dr. Karaliui tikrai sekdamovs džiuokus krėsti. MarŽ 200), *užminti (kam) ant nuospaudos > užminti (kam) ant kornų < to tread on smb's corns (... atleiskite, jeigu užmyniau kam ant kornų. V 62 177), iš proto varyti > iš proto draivyti < to drive smb. mad* (Tas latras mano vyras jau baigia mane iš proto draivyti. MarŽ 193), *širdį (kam) paliestį užgauti > širdį (kam) patočyti < to touch smb's heart* (Tas Valentino mūvis taip smarkiai patočino man širdį, kad net apsverčiau. MarŽ 346), *širdį (kam) užduoti > širdį (kam) brėkinti < to break smb's heart (... tik širdis mergoms brėkina, o nė vienos nesišėnija. MarŽ 172), nenusileisti (kam) nė per plauką/nago juodymą > nenusileisti (kam) nė per inčią < not to yield an inch (Nenusileisiu aš jam nė per inčią – tegu sau kreizevoja, kad nori! MarŽ 232)*. Каково бы ни было смысловое отношение между устранимым исконным компонентом и замещающим его заимствованным словом, в результате такой подмены в гибридных фразеологических вариантах появляются знаменательные компоненты, которые не только в плане содержания, но и в плане выражения связывают их с отождествляемыми ФЕ контактирующего языка. Иначе говоря, таким образом выравниваются не только отдельные семантические единицы литерализаций отождествляемых ФЕ, но и их символизация.

Новые гибридные фразеологические варианты, видимо, можно ожидать и в тех случаях, когда отождествляемые ФЕ довольно резко отличаются по своему структурно-семантическому строению. Напр., фразеологическое новообразование *būti sotus ir turėti čielą keiką* ‘совместить несовместимое’ (букв. ‘быть сытым и иметь целый пирог’) (*Jis taipgi žino, kad „negali būti sotus ir turėti čielą keiką“*. LB 66 34) можно было бы просто отнести к „приблизительным созданиям“ (approximate creations, по терминологии Э. Хаугена) или приблизительным калькам на основе подражания английской идиоме *eat one's cake and have it* (букв. ‘есть свой пирог и иметь его’). Об этом свидетельствует хотя бы собственно заимствование из английского *keikas* ‘пирог’ < *cake* в его литерализации. Но в нем мы узнаем и семантические единицы, представленные словами *sotus* ‘сытый’ и *čielas* ‘целый’, которые отсутствуют в английской идиоме, но присутствуют в литовской – *bus vilkas sotus ir ožka čielas* (букв. ‘будет и волк сытый и коза целая’), имеющей сходное целостное значение. Поэтому,

несмотря на то, что в этом примере процесс интерференции, по-видимому, осложняется еще и фразеологической деривацией (о данном явлении см.: [Кунин, 1972, с. 20–21]), есть основание признать, что фразеологическое новообразование *būti sotus ir turėti čielą keiką* возникло на основе межъязыкового отождествления идиом двух языков.

Таким образом, среди указанных фразеологических новообразований (как ограничивающихся исключительно материалом родного языка, так и гибридных единиц) существуют разновидности, в структурно-семантическом плане в разной степени отдаленные от уже существующих ФЕ литовского языка. Однако все эти единицы можно считать вариантами последних, так как они сохраняют тождественное фразеологическое значение и структурно-семантический инвариант. С другой стороны, все они являются продуктом интерференции другого языка. Чтобы подчеркнуть двуязычную фразеологическую природу этих новообразований, их можно назвать конвергентными фразеологическими вариантами и подразделить на „чистые“ и гибридные.

При классификации, не учитывающей возможности отождествления ФЕ контактирующих языков, такие конвергентные фразеологические варианты могут оказаться отнесенными к собственно калькам или полукалькам (точным или приблизительным) (см., напр.: [Глемжене, 1976]), однако уровень действия механизма интерференции, в результате которой они возникают, иной, чем у других фразеологических новообразований, о которых речь пойдет ниже.

Многие новые ФЕ в контактном языке возникают на основе межъязыкового отождествления иноязычной ФЕ со свободным словосочетанием родного языка: если по своему значению и структурно-семантическому строению свободное словосочетание одного языка совпадает с литерализацией ФЕ другого языка, оно может перенять целостное фразеологическое значение последнего путем семантического расширения, напр.: *palieta pieną < to spill the milk* ‘сделать что-либо непоправимое’ (букв. ‘пролить молоко’) (Agee nėra pirmas iš paliejusių СТА *pieną*. LB 75 4), *raudona silkė < a red herring* ‘что-либо сбивающее со следа, намеренно отвлекающее внимание’ (букв. ‘красная селедка’) (...jis tą komitetą užvadino raudonos silkės gaudytojais. V 62 59), *šluba antiš < a lame duck* ‘неудачник’ (букв. ‘хромяя утка’) (Politikoje tokie vadinami „šluba antišiai“. V 60 223), *vienokių | vienodų plunksnų paukščiai < birds of a | one feather* ‘люди одного склада, одного поля ягода’ (букв. ‘птицы с одинаковыми перьями’) (Jie visi vienodų plunksnų paukščiai. LB 63 7. *Paukščiai vienokių plunksnų užjaučia vieni kitus*. V 60 4), *vištos grįžta namo tūpti < chickens come home to roost* ‘проклятия обрушиваются на голову проклинающего’ (букв. ‘цыплята возвращаются домой усаживаться на насест’) (Dabar vištos grįžta namo tūpti su kerštu. V 60 4). Действие механизма интерференции в таких случаях направлено на семантическое выравнивание сходных равноуровневых единиц и аналогично

по своему результату распространенному способу образования ФЕ, который именуется переосмыслением переменных сочетаний слов [см.: Кунив, 1972, с. 15–18] или просто семантическим [см.: Райхштейн, 1980, с. 124]. Этот вид фразеологической интерференции ограничивается идиомами (о понятии идиомы см.: [Амосова, 1963, с. 72; Кунив, 1970, с. 316]) или семемными идиомами (*sememic idioms*, см.: [Makkai, 1963, p. 128]), поскольку только такие ФЕ функционируют как в буквальном значении, складывающемся из значений составляющих их компонентов, так и в целостном фразеологическом значении.

Между ФЕ, спаянными целостным значением, и свободными словосочетаниями располагаются словосочетания, которые являются „как бы полудиоматическими, так как один из компонентов сохраняет свое лексическое значение, а другой переосмыслен, „идиоматизирован“ [Тер-Минасова, 1980, с. 97]. Интерференцию иноязычных полудиоматических ФЕ можно представить как фразеобразовательный акт, включающий в себя создание нового (в коллокационном плане) словосочетания, сходного по структурно-семантическому строению иноязычному, и перенесение иноязычного фразеологического значения, напр.: *suteikti / duoti (kam) juoda akį < to give smb. a black eye* ‘дать отпор, нанести сильный удар’ (букв. ‘дать кому-либо черный глаз’) (...*turėjo įvykti teismas už „suteikimą juodos akies“ pasiu... V 62 233. Šis pareiškimas davė vidurinėms mokykloms juoda akį. LB 66 34, turėti pilnas rankas < to have one's hands full* ‘иметь работы по горло’ (букв. ‘иметь полные руки’) (*Visi darbininkai turi pilnas rankas. LB 63 27, juoktis į rankovę < to laugh in one's sleeve* ‘смеяться украдкой, втихомолку’ (букв. ‘смеяться в рукав’) (...*absoliuti dauguma juokiasi į rankovę iš savo tėvų „vadavimo“ politikos. V 78 22*). Поскольку действие механизма интерференции затрагивает как структурно-семантический, так и семантический уровень словосочетания (т. е. происходит „идиоматизация“ одного из компонентов, а вместе с тем и фразеологизация целого словосочетания), то в подобных случаях можно говорить о сочетании структурно-семантической и семантической конвергенции. Такого рода фразеологические новообразования могут быть и гибридные, т. е. выравнивающие переход от одного языка к другому в плане выражения отдельных компонентов, напр.: *kilinti laiką < to kill time* ‘убивать время’ (*Tas tinginys, tas bomas tik kilina laiką, docol. Marž 250*), *pakečyti šaltį < to catch (a) cold* ‘схватить простуду’ (букв. ‘схватить холод’) (*Neik be overkučio, ba pakečysi šaltį. Marž 292*). Возможны также, особенно в начальных стадиях двуязычия, случаи ложного отождествления „идиоматизированного“ компонента и замены его другим словом родного языка путем паронимической аттракции, напр.: *gauti saktį < (букв. ‘получить пряжку’) < to get the sack* ‘получить увольнение с работы’ (букв. ‘получить мешок’) (*Gerk, gerk, misuok, misuok darbą, tai matysi, kaip gausi saktį, matysi. Marž 316*).

Таким образом, проведенный анализ случаев интерференции, затрагивающей ФЕ контактирующих языков, позволяет выделить три различных вида фразеологической интерференции: структурно-семантический, семантический и сочетание структурно-семантического с семантическим [ср. Пажусис, 1980]. Хотя действие механизма интерференции во всех случаях полной подстановки было ориентировано на выравнивание единиц на двух уровнях – семантическом и структурно-семантическом, конвергентный сдвиг в зависимости от уровня или уровней межъязыковой идентификации имеет место либо на одном из указанных уровней, либо на обоих одновременно. При изучении фразеологической интерференции как механизма калькирования вся ее специфика остается вне рассмотрения, так как результат любого вида фразеологической интерференции оказывается отнесенным к калькам.

С другой стороны, от изучения взаимодействия языков в двуязычной среде ожидается, что оно „может пролить свет на многие вопросы развития и преобразования языков“ [Ярцева, 1981, с. 28]. При подходе к фразеологической интерференции как процессу калькирования анализ случаев фразеологической интерференции вряд ли может претендовать на выполнение такой задачи в области фразеологии, в то время как выявленные здесь виды фразеологической интерференции дают возможность установить аналогию с различными путями образования ФЕ (напр., см.: [Кунин, 1971; Млацек, 1978, с. 119]) и вне двуязычной среды.

Говоря о калькировании и о полных, или собственно кальках, мы не касались вопроса о гибридных фразеологических новообразованиях, т. е. полукальках. Гибридные единицы отмечаются при всех видах фразеологической интерференции, кроме семантической. Во всех приведенных примерах гибридность можно рассматривать как выравнивание отдельных компонентов словосочетания в плане содержания и/или выражения. Случаи, когда заимствованное слово в фразеологических новообразованиях представляет выравнивание компонента только в плане выражения, были отмечены лишь при структурно-семантической интерференции.

Однако в условиях языковых контактов фразеологическая интерференция не ограничивается вышеупомянутыми видами. Как и другие составные единицы номинации, иноязычные ФЕ могут быть перенесены в другой язык в качестве готовых единиц, носящих цитатный характер и не анализируемых на структурно-семантическом уровне с позиции заимствующего языка, напр.: *čyp skēt* < *cheap skate* ‘скряга’ (Taš *čyp skēt* ir vėl sukasi aplink, tykodamas, kad kas nupirktų drinksą... MarŽ 183), *go daël* < *go to hell* ‘пошел к черту’ (Sakau, kad *go daël* su ta savo meile, tais doleriais ir ta ratin auza... MarŽ 224), *out of this world* ‘невероятно красивый; такой, какого свет не видывал’ (Mrs. Bacon *gélės, kurios puošė mūsų stalą, buvo*” *out of this world*“ . L 77 38). Перенесенные субстантивные

ФЕ могут подвергаться в заимствующем языке словоизменительной интеграции, напр.: *big šotas* < *big shot* 'важная персона' (Iš Lietuvos suvažiavo tik *big šatai*: tik daktarai, kunigai, advokatai, prapesorai. MarŽ 166), *senobičius* < *son of a bitch* 'сукин сын, мерзавец' (Tas *senobičius* ir vėl pakėlė randą. MarŽ 319).

PHRASEOLOGICAL INTERFERENCE

L. PAŽŪSIS

Summary

The present paper deals with the phenomena of interference which involves the so-called phraseological units (i. e. phrases or even sentences whose meanings are not obvious through knowledge of the individual meanings of the constituent words). The linguistic corpus was elicited from Lithuanian periodicals published in the USA and Canada as well as from the speech of immigrants whose primary language, Lithuanian, has for several decades been in contact with American English. According to the level of phraseological units involved in the process of interference, three major types of phraseological interference (within the sphere of substitution) are distinguished: semantic, structural-semantic and a combination of the two.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- L — Laisvė. — Brooklyn—N. Y.
LB — Liaudies balsas. — Toronto.
MarŽ — Margeris A. Amerikos lietuviai ir angliškųjų skolinių žodynas. — Chicago, 1956.
V — Vilnis. — Chicago.
Vien — Vienybė. — N. Y.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Амосова, 1963 — Амосова Н. Н. Основы английской фразеологии. — Л., 1963.
Ахманова, 1957 — Ахманова О. С. Очерки по общей и русской лексикологии. — М., 1957.
Гавранек, 1972 — Гавранек Б. К проблематике смешения языков. — Новое в лингвистике. М., 1972, вып. 6, с. 94—111.
Глемжене, 1976 — Глемжене А. Калькирование как вид лексической интерференции. — В кн.: Вопросы языковой структуры (исследования по романо-германской филологии). Киев, 1976, с. 58—64.
Кунин, 1970 — Кунин А. В. Английская фразеология (теоретический курс). — М., 1970.
Кунин, 1971 — Кунин А. В. Пути образования фразеологических единиц. — Иностранные языки в школе, 1971, № 1, с. 6—10.
Кунин, 1972 — Кунин А. В. Фразеология современного английского языка (опыт систематизированного описания). — М., 1972.
Кунин, 1976 — Кунин А. В. О фразеологической интерференции (на материале русского и английского языка). — В кн.: Методы билингвистических исследований. М., 1976, с. 42—46.
Младек, 1978 — Младек И. К определению фразеологии. — В кн.: Recueil linguistique de Bratislava. Bratislava, 1978, с. 113—124.

Пажусис, 1980 — Пажусис Л. Фразеологическая интерференция (на материале литовского языка в Северной Америке). — В кн.: IV Всесоюзная конференция балтистов. Рига, 1980, с. 169—170.

Райхштейн, 1980 — Райхштейн А. Д. Сопоставительный анализ немецкой и русской фразеологии. — М., 1980.

Ройзензон, 1967 — Ройзензон Л. И. Синтаксис и фразеология. — В кн.: Проблемы синтаксиса. Львов, 1967, с. 48—53.

Тер-Минасова, 1980 — Тер-Минасова С. Г. Синтагматика речи: онтология и эвристика (общая и английская синтагматика составных номинальных групп). — М., 1980.

Хауген, 1972 — Хауген Э. Процесс заимствования. — Новое в лингвистике. М., 1972, вып. 6, с. 334—382.

Чейф, 1975 — Чейф У. Значение и структура языка. — М., 1975.

Ярцева, 1969 — Ярцева В. Н. Структурно-семантические кальки в условиях двуязычия. — В кн.: Тезисы научной конференции, посвященной проблеме двуязычия и многоязычия. М., 1969, с. 21—22.

Ярцева, 1981 — Ярцева В. Н. Контрастивная грамматика. — М., 1981.

Haugen, 1953 — Haugen E. The Norwegian Language in America (a Study in Bilingual Behavior). — Indiana University Press, 1969 (1953).

Makkai, 1972 — Makkai A. Idiom Structure in English. — Mouton, 1972.

Weinreich, 1953 — Weinreich U. Languages in Contact. — New York, 1953.

Вильнюсский государственный
университет им. В. Капсукаса
Кафедра английской филологии

Декабрь, 1981